

Litera

Правильная ссылка на статью:

Юй Ш. Концепт технологической утопии в постсоветской российской фантастике и его реализация в прозе С. Лукьяненко // Litera. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.7.75055 EDN: JJJOUR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75055

Концепт технологической утопии в постсоветской российской фантастике и его реализация в прозе С. Лукьяненко

Юй Шуншун

кандидат филологических наук

аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы; Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 15910387847@163.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.7.75055

EDN:

JJJOUR

Дата направления статьи в редакцию:

03-07-2025

Аннотация: Предметом настоящего исследования является концепт технологической утопии как центральный элемент постсоветского фантастического дискурса, его семиотическое наполнение и художественная реализация в прозе С. Лукьяненко. В качестве основного материала рассматриваются романы «Лабиринт отражений», «Черновик» и «Спектр», в которых автор моделирует альтернативные техногенные миры, отражающие культурные, философские и ценностные трансформации постсоветской эпохи. Особое внимание уделяется репрезентации цифровой среды как пространства, где размываются границы между реальностью и виртуальностью, человеческим и технологическим. Утопический нарратив в анализируемых произведениях трактуется как способ художественного конструирования будущего и одновременно как инструмент критической рефлексии над современностью. Исследование направлено на выявление структурных особенностей этих текстов, их символических кодов, нарративных стратегий и скрытых антропологических смыслов, связанных с властью технологий, автономией

субъекта и этическими дилеммами в условиях цифровой цивилизации. В работе применяются нарратологический, семиотический, культурологический и герменевтический методы анализа, позволяющие выявить специфику построения утопического дискурса и интерпретировать философские и антропологические смыслы произведений Лукьяненко. Научная новизна исследования заключается в целостной интерпретации технологической утопии как художественного и культурного феномена, отражающего идеологические, этические и антропологические сдвиги постсоветской эпохи. В отличие от традиционной модели утопии, в прозе Лукьяненко акцентируется внимание на противоречиях между технологическим прогрессом и моральным выбором, что позволяет говорить о трансформации утопического нарратива в сторону прагматического или даже критического утопизма. Сделан вывод о том, что технологическая утопия в указанных произведениях выступает не как позитивная проекция будущего, а как форма художественной рефлексии над состоянием культуры, идентичности и границ человеческого в цифровую эпоху. Исследование вносит вклад в развитие научных представлений о постсоветской фантастике и механизмов её утопического воображения.

Ключевые слова:

постсоветская фантастика, технологическая утопия, С. Лукьяненко, виртуальная реальность, технократический дискурс, утопический нарратив, философия будущего, трансформация субъекта, научная фантастика, цифровая идентичность

Введение

Современная российская фантастика демонстрирует устойчивый интерес к переосмыслению утопического воображения в условиях цифровой эпохи. В центре этого процесса формирование образов технологически усовершенствованного мира, который отражает как надежды на прогресс, так и опасения перед его последствиями. Научная фантастика становится особым пространством культурной и философской рефлексии, где технологии оказываются медиаторами между реальностью и её возможными альтернативами. В этом контексте особенно показательно творчество С. Лукьяненко, чьи произведения соединяют мотивы техноутопии, виртуальности и социальной трансформации.

Актуальность темы определяется необходимостью анализа трансформации утопического нарратива в постсоветской художественной культуре. В условиях стремительных изменений социальной и технологической среды возрастает интерес к художественным моделям будущего, в которых пересматриваются прежние ценности, границы реального и виртуального, а также представления о человеке. Фантастика, как жанр, формирует не только эстетическое, но и идеологическое пространство, где образы техногенного будущего приобретают статус культурных кодов. Исследование техноутопии в прозе Лукьяненко позволяет проследить, каким образом современные представления о прогрессе и будущем воплощаются в литературной форме и как они соотносятся с социальным контекстом постсоветской России.

Объектом исследования выступает постсоветская российская научная фантастика, предметом репрезентация концепта технологической утопии в произведениях С. Лукьяненко. Исследование сосредоточено на изучении нарративных и семантических механизмов построения идеального технологического мира, а также на выявлении

художественных стратегий, через которые автор осмысляет новые формы человеческого бытия. Цель работы определить особенности реализации техноутопического нарратива в прозе Лукьяненко, исследовать его поэтику и философские основания, а также выявить смысловые и жанровые преобразования утопической традиции в условиях постсоветской культурной парадигмы.

Методологическая основа настоящего исследования включает нарратологический, семиотический, культурологический и герменевтический анализ. Нарратологический подход применяется для выявления структурных особенностей утопического нарратива, включая принципы его построения, хронотопическую организацию и динамику сюжетного развития. Семиотический анализ направлен на интерпретацию ключевых художественных образов и технологических символов, формирующих семантическое пространство произведений. Культурологический метод позволяет рассматривать тексты в контексте постсоветской культурной трансформации и исследовать, каким образом утопические мотивы отражают изменения ценностной парадигмы. Герменевтический анализ способствует углублённому осмыслению философских и антропологических смыслов, заложенных в повествовании, а также пониманию взаимосвязи между технологией, субъектностью и этикой в художественном мире прозы С. Лукьяненко. В качестве основного аналитического материала рассматриваются романы С. Лукьяненко «Лабиринт отражений», «Черновик» и «Спектр», а также теоретические работы, посвящённые утопизму, научной фантастике и современной русской литературе.

Научная новизна исследования заключается в целостной интерпретации техноутопии как литературного и культурного феномена, отражающего идеологические и антропологические сдвиги постсоветской эпохи. Работа вводит в научный оборот системное осмысление прозы Лукьяненко как пространства моделирования технологически ориентированных миров и раскрывает функции фантастического нарратива в контексте современного социокультурного мышления. Практическая значимость исследования заключается в возможности его применения в курсах по современной русской литературе, а также в теоретических разработках по жанровой эволюции фантастики и утопического дискурса.

Таким образом, анализ технологической утопии в прозе С. Лукьяненко позволяет выявить особенности постсоветской культурной идентичности, раскрывает глубинные связи между литературным воображением, социальными ожиданиями и философией будущего, а также дополняет представления о развитии жанра фантастики в XXI веке.

Теоретико-методологические основы анализа утопии и технофантастики

Современное осмысление феномена утопии уходит от ограниченного понимания «идеального общества» в духе эпохи Просвещения и стремится к многослойному междисциплинарному подходу. Утопия сегодня интерпретируется как динамический элемент социального воображения, функционирующий в разных культурных и нарративных контекстах. Г. Грегори утверждает, что термин «утопия» охватывает широкий спектр значений: от эвтопии и дистопии до критической утопии, каждая из которых репрезентирует уникальные пространственно-временные конструкции будущего мира [\[1\]](#).

В постсоветской гуманитарной науке особое внимание уделяется трансформации утопического мышления в сторону техноутопизма концепции, где научный и технологический прогресс служит основой для построения идеального общества. Как подчёркивает Т.Б. Медведева, техноутопия приобретает черты светской религии, где

технологии становятся носителем утопических надежд [2]. Б.Б. Нурмамаев, в свою очередь, акцентирует внимание на диалоге между утопией и антиутопией, где последняя выступает как критическое переосмысление первой и одновременно как её продолжение в иронической форме [3].

Отдельное внимание уделяется феномену альтернативной реальности, представленной как популяризированная форма утопического моделирования в массовой культуре. Альтернативные миры, основанные на отклонении от ключевых исторических точек, становятся сценой для фантастического нарратива и философских размышлений о выборе, вероятности и социокультурной идентичности [4].

Научная фантастика в постсоветской России оказывается в фокусе жанровой и культурной трансформации. Как отмечает Е.М. Баранская, этот жанр соединяет в себе элементы критического реализма, социального моделирования и философии научного прогресса [5]. Рыльщикова и Худяков подчёркивают, что современная научная фантастика формирует не только литературный нарратив, но и социокультурный дискурс, выражающий тревоги и надежды эпохи, а также организующий вокруг себя фэндом как форму культурного производства [6].

Д.Д. Ложкина выделяет два направления в лингвистическом фантаствоведении: стилистико-прагматическое и семантическое, акцентируя внимание на необходимости глубокой лингвопоэтической интерпретации фантастических текстов [7]. Это особенно актуально в контексте техноутопий, где язык становится инструментом репрезентации будущего и технологической нормативности.

Фантастика оказывается также пространством осмысления коллективной памяти и культурной травмы. Через жанр альтернативной истории авторы моделируют прошлое, в котором реализуются нереализованные надежды и компенсируются исторические поражения.

Дискурсивные подходы к фантастике позволяют выйти за рамки чисто литературного анализа. О.А. Плахова утверждает, что жанр и дискурс находятся в постоянном взаимодействии, а фантастический дискурс — это динамическая форма отражения и конструирования социальной реальности [8]. Фантастика функционирует как форма культурного кодирования будущего, где важную роль играет хронотоп категория, объединяющая время и пространство, впервые системно осмысленная М.М. Бахтиным [9].

Пространственно-временные категории как основа фантастического дискурса также исследуются с позиции психологии восприятия, что особенно заметно в анализе научной фантастики В. Пелевина и Стругацких. Как показывают Г. Бекназарова и О. Хужанова, восприятие времени и пространства в фантастике становится инструментом исследования идентичности, сознания и социокультурных изменений [10].

Наконец, в работах Сиюховой и Абдоковой подчёркивается значимость утопических элементов в мифологическом и эпическом дискурсе, что служит основанием для культурной преемственности и адаптации традиционных утопий к современному социальному сознанию [11].

Таким образом, проведённый обзор теоретико-методологических подходов позволяет заключить, что концепт утопии, а в особенности её технологического варианта, представляет собой сложное междисциплинарное явление, укоренённое как в

литературной традиции, так и в философско-культурных моделях социального воображения. Современные исследования демонстрируют разнообразие форм утопического нарратива от классической эвтопии до трансгуманистской и цифровой утопии, от жанров научной фантастики до феномена альтернативной реальности как популярного кода массовой культуры. Постсоветская российская фантастика, в особенности творчество С. Лукьяненко, оказывается продуктивным полем для анализа репрезентации техноутопии как художественного способа осмысления будущего, технологий и этики.

Постсоветская российская фантастика как пространство технологических утопий

Постсоветская научная фантастика развивается в условиях переоценки культурных и идеологических оснований, что находит отражение в трансформации жанровой природы утопии. На смену бинарной оппозиции «утопия/дистопия» приходит более сложная форма прагматическая или вариативная утопия, где идеальное будущее представлено не как конечная истина, а как множественность возможного.

Так, роман С. Лукьяненко «Спектр» (2002) предлагает модель мультиверсального мира, в котором каждая реальность представляет собой уникальный социально-технологический эксперимент ^[12]. Один из миров построен на принципе абсолютной искренности, обеспечиваемой биометрическим контролем: *«Ты просто не можешь солгать — тебя сразу вычислят. И никто этого не боится. Все живут в этой честности, как в температуре воздуха»*. Здесь утопический порядок достигается техническими средствами, однако он не освобождает индивида от моральной дилеммы между личной автономией и общественным контролем.

Вектор развития фантастики смещается от изображения недостижимого идеала к моделированию функциональных, но неидеальных систем, где технология выступает инструментом устойчивости и регулирования. Подобный подход отражает общее культурное стремление не к универсализации, а к адаптивной навигации в сложной реальности.

В постсоветской фантастике технология перестаёт быть фоновым элементом повествования и приобретает статус структурообразующего компонента нарратива. Она формирует не только внешние условия существования персонажа, но и определяет саму логику субъективного опыта. Эпистемологически технологии выступают как медиаторы между сознанием и реальностью, разрушая устойчивые границы идентичности.

В «Лабиринте отражений» (1996) Лукьяненко создаёт цифровую реальность Глубины виртуальное пространство, настолько реалистичное, что граница между физическим и симулированным становится неразличимой ^[13]. Герой погружается в систему, где *«тыходишь и уже не ты. Здесь действуют другие правила. Здесь ты либо научишься быть, либо растворишься»*. В этом контексте цифровое пространство становится новой формой утопического опыта, однако достигается оно ценой радикальной перестройки субъекта.

Наблюдается сдвиг от утопии внешнего порядка к утопии внутреннего переживания технологии дают иллюзию контроля и свободы, одновременно провоцируя утрату аутентичного «я». При этом границы между субъектом, интерфейсом и алгоритмом стираются, формируя новые онтологические конструкции, в которых человек уже не столько использует технологию, сколько существует сквозь неё.

Переосмысление утопии в постсоветской фантастике невозможно без учёта культурной и идеологической дезориентации, вызванной крахом прежней ценностной системы.

Утопическое воображение здесь функционирует не как проекция идеального будущего, а как способ критического анализа настоящего. Художественные модели не утверждают, а проблематизируют и именно через это достигается их актуальность.

В романе «Черновик» (2005) Лукьяненко предлагает серию альтернативных миров, каждый из которых репрезентирует определённую политико-культурную модель ^[14]. Один из них представляет собой идеально упорядоченное общество, где каждый индивид строго привязан к функциональной роли. Этот социальный механизм внешне стабилен, но лишён подлинной субъектности: *«Это не мир — это спектакль. Только актёры забыли, что играют»*. Тем самым автор акцентирует проблему: эффективность и управляемость системы не тождественны этической приемлемости её структуры.

Другие миры демонстрируют гипертрофированный цифровой контроль, предопределённость действий, отсутствие приватности и возможность алгоритмического манипулирования реальностью. Все эти образы поднимают вопрос о границах технологической легитимности и о том, может ли утопия, реализованная технически, сохранять гуманистическое содержание.

Постсоветская фантастика, на материале прозы С. Лукьяненко, демонстрирует переход от классической утопии к её фрагментарным и адаптивным формам, где технология становится центральным инструментом проектирования будущего. Однако художественное осмысление таких проектов неизменно связано с критическим разбором их внутренней противоречивости. Миры, построенные на основе технологического порядка, оказываются ограниченными в гуманистическом потенциале и не избавлены от моральных парадоксов.

Технологическая утопия в этих произведениях не готовый идеал, а форма культурной дискуссии о границах свободы, идентичности и ответственности в эпоху цифровых трансформаций. Тем самым фантастика не предлагает решения, но формирует пространство для рефлексии и именно в этом заключается её концептуальная и литературная ценность.

Реализация концепта технологической утопии в прозе С. Лукьяненко

Художественный мир произведений С. Лукьяненко конструируется на стыке повседневного и фантастического, где технологии не являются фоном, а выступают архитекторами новой реальности. Эти миры часто многослойны и пересекаются с привычным для читателя хронотопом, однако в них действуют иные законы логики, власти и субъектности.

Так, в романе «Лабиринт отражений» создаётся гиперреалистичная виртуальная среда под названием «Глубина» пространство, погружающее пользователя в иллюзию полной свободы и телесной достоверности. Однако именно эта достоверность оборачивается риском утраты границы между *«реальным»* и *«симулированным»*. Здесь технический интерфейс становится способом не только расширения опыта, но и утраты ориентиров: *«Ты теряешь себя не сразу. Это как если бы ты шаг за шагом забывал, что ты есть»*.

В романе «Черновик» техника предстаёт в виде межмировой структуры, способной перемещать сознание героя между альтернативными реальностями. Эти миры строятся по заданным алгоритмам, но лишены устойчивых оснований гуманистической этики. Таким образом, художественный мир Лукьяненко техногенен не в декоративном, а в онтологическом смысле: технологии создают альтернативные формы бытия, но не дают гарантий смысловой целостности.

Каждый из указанных романов представляет уникальную модель утопического воображения, построенного на технологических предпосылках. В «Спектре» множество миров с разными социальными и техническими устройствами можно рассматривать как варианты проектирования *«возможного будущего»*, где технологии определяют соотношение между стабильностью и свободой.

Так, в одном из миров герои живут в условиях полного биометрического контроля, который исключает возможность лжи. На первый взгляд идеальное общество честности, однако с точки зрения этической автономии глубоко проблематичное. Утопия здесь превращается в форму социального принуждения, прикрытую риторикой прозрачности. Как указывает герой: *«Они говорят правду — но боятся подумать»*.

«Черновик» показывает более радикальный сценарий, где технический контроль затрагивает не только поведение, но и саму личность. Герой, лишённый прошлого, *«очищен»* системой для нового использования. Таким образом, технология здесь становится инструментом идеологической и антропологической перезагрузки, где сам человек рассматривается как ресурс.

«Лабиринт отражений» встраивает технологию в метафизику повседневного: виртуальная реальность притягательна своей свободой, но одновременно опасна размытием субъектных границ. Утопия оказывается не *«где-то там»*, а *«внутри сети»*, и именно это внутреннее измерение представляет наибольший интерес с точки зрения литературной семиотики.

Во всех трёх произведениях С. Лукьяненко технология становится не только инструментом, но и субъектом воздействия, символом новой формы власти. Эта власть лишена центра: она распределена по системам, алгоритмам, интерфейсам. Это делает её одновременно вездесущей и неуловимой.

В «Глубине» управление осуществляется через архитектуру среды — мир управляет поведением, не требуя прямого давления. Персонаж может чувствовать себя свободным, но эта свобода предельно сконструирована. В «Черновике» власть реализуется как аннигиляция прошлого: если человека можно стереть значит, его можно и переконструировать. Эти мотивы отсылают к проблеме морального выбора в условиях технологического давления.

Именно здесь выявляется парадокс: чем совершеннее система, тем меньше в ней пространства для автономии. Моральный выбор превращается в выбор между вариантами, заранее заданными системой. Таким образом, технологическая утопия в романах Лукьяненко всегда сопряжена с утратой экзистенциальной полноты человеческого действия.

Несмотря на использование утопических мотивов, проза Лукьяненко не предлагает завершённых моделей идеального мира. Напротив, каждый из описанных миров подвергается сомнению и внутренней деконструкции. Это достигается как через развитие сюжета (превращение утопии в ловушку), так и через нарративные механизмы (иронизация, смена перспектив, обрыв моральных выводов).

Так, в «Спектре» главный герой последовательно разочаровывается в каждом из миров, которые изначально представлялись ему идеальными. Утопия не выдерживает критики, поскольку не способна учесть сложность человеческой природы. В «Лабиринте отражений» финал указывает на невозможность вернуться к *«реальности»* без утраты чего-то существенного: *«Глубина была лжецом — но она любила. А реальность просто*

смотрела».

Таким образом, утопия у Лукьяненко не цель и не результат, а способ драматизации человеческого опыта в условиях технологической и культурной нестабильности. Она служит механизмом проверки границ субъекта, свободы, памяти и смысла.

Реализация концепта технологической утопии в прозе С. Лукьяненко происходит через сложную систему поэтических, семиотических и философских стратегий, где каждый из миров моделирует возможные формы существования человека в технологической реальности. Эти произведения не утверждают ценности, но проблематизируют их; не формируют идеологию, но вскрывают её предельные основания.

В художественных мирах Лукьяненко технология — это и условие свободы, и источник власти, и причина этического разрыва. Техноутопия здесь не разрушается внешней критикой, а самораспадается изнутри под тяжестью неразрешённых моральных и антропологических противоречий. Таким образом, фантастический текст превращается в культурную лабораторию, где на материале воображаемого исследуются границы возможного и человеческого.

Заключение

В процессе проведённого исследования была проанализирована специфика концепта технологической утопии в постсоветской российской фантастике на материале прозы Сергея Лукьяненко. Установлено, что в условиях постсоветской культурной и идеологической дезориентации утопический дискурс трансформируется из линейной модели «идеального будущего» в сложные повествовательные конструкции, основанные на вариативности, техногенности и нарративной неопределённости.

Произведения Лукьяненко («Лабиринт отражений», «Черновик», «Спектр») демонстрируют, что технологическая утопия в современной фантастике — это не стабильная модель, а инструмент философской рефлексии, позволяющий выявить внутренние противоречия между технологическим прогрессом, властью и личной свободой. Технология в данных текстах выступает не только как сюжетный двигатель, но и как структурообразующий элемент, формирующий альтернативную онтологию и новый тип субъективности. При этом каждый утопический проект внутри романов подвергается сомнению, и финальная структура повествования указывает не на достижение идеала, а на его утрату или деконструкцию.

Ключевой научный результат заключается в выявлении поэтики техноутопии как формы критического сознания в литературе: утопия у Лукьяненко, это не предсказание будущего, а способ анализа настоящего и симптом эпохи цифрового перехода. Постсоветская фантастика в его исполнении функционирует как культурная диагностика, предлагающая не готовые решения, а пространство размышления над границами человеческого и технологического.

Таким образом, реализация концепта технологической утопии в прозе С. Лукьяненко представляет собой не завершённую модель будущего, а литературный инструмент интерпретации современности, подверженной технологическим, социальным и экзистенциальным вызовам.

Библиография

1. Грегори Г. Утопия и утопизм: история осмысления понятий // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. –

2018. – Т. 3(3). – С. 148-160. DOI: 10.23683/2415-8852-2018-3-148-160

2. Медведева Т.Б. Технологическая утопия и формы её репрезентации в современной культуре // НОМОТНЕТІКА: Философия. Социология. Право. – 2011. – № 20 (115). – С. 45-61.

omothetika

3. Нурмаматов Б.Б. Литературная антиутопия: к вопросу о границах жанра // Journal of Multidisciplinary Bulletin. – 2025. – Т. 8, № 3. – С. 71-82.

4. Рыльщикова Л.М., Худяков К.В. Альтернативная реальность как популяризованный элемент научно-фантастического дискурса // Lingua mobilis. – 2011. – № 7 (33). – С. 34-39.

5. Баранская Е.М. Фантастика А.Н. Толстого: современность или бегство от нее? // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – № 4. – С. 3-19.

6. Рыльщикова Л.М., Худяков К.В. Функции научно-фантастического дискурса // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – С. 1279.

7. Ложкина Д.Д. Место лингвистики в современном фантаствоведении // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2021. – Т. 21, № 4. – С. 406-411. DOI: 10.18500/1817-7115-2021-21-4-406-411

8. Плахова О.А. К вопросу о взаимодействии дискурса и жанра (на примере сказочного дискурса) // Вектор науки ТГУ. – 2015. – № 3-2. – С. 246-252.

9. Тырыгина В.А. Языковые средства выражения пространственно-временного континуума в дискурсе научной фантастики // Современная германистика и западноевропейская литература. – 2022. – С. 115-117.

10. Бекназарова Г., Хужанова О. Психология восприятия времени и пространства в литературе // Зарубежная лингвистика и лингводидактика. – 2025. – № 4. – С. 290-299.

11. Сиюхова А.М., Абдокова И.А. Праздники утопии в северокавказском традиционном эпосе "Нарты": осмысление в контексте современной социальной реальности // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2024. – Т. 16, № 4. – С. 169-183. DOI: 10.47370/2078-1024-2024-16-4-169-183

12. Рабазанова М.С. Композиция как система точек зрения в романе Лукьяненко "Спектр" и её особенности // Проблема жанра в филологии: Материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции, Махачкала, 15 декабря 2021 года. Выпуск XVII. – Махачкала: Дагестанский государственный университет, 2021. – С. 160-164.

13. Путило О.О. Изображение компьютерного виртуального пространства в романе С. Лукьяненко "Лабиринт отражений" // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIX Кирилло-Мефодиевские чтения: Материалы Международной научно-практической конференции в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур, Москва, 23-25 мая 2018 года. – Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2018. – С. 398-402.

14. Манакова О.С. Мифологические образы в фантастической прозе Сергея Лукьяненко // Актуальные вопросы инновационного развития Арктического региона РФ. – 2023. – С. 433-436.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье является репрезентация концепта

технологической утопии в постсоветской российской фантастике. Актуальность работы обоснованно аргументируется необходимостью анализа трансформации утопического нарратива в постсоветской художественной культуре. Отмечается, что «исследование техноутопии в прозе Лукьяненко позволяет проследить, каким образом современные представления о прогрессе и будущем воплощаются в литературной форме и как они соотносятся с социальным контекстом постсоветской России». Эмпирическим материалом явились романы Сергея Лукьяненко «Лабиринт отражений», «Черновик» и «Спектр», в которых соединяются мотивы техноутопии, виртуальности и социальной трансформации. Теоретической основой работы выступили труды отечественных исследователей, посвященные вопросам взаимодействия дискурса и жанра; различным аспектам научно-фантастического дискурса; технологической утопии и формам её репрезентации в современной культуре; языковым средствам выражения пространственно-временного континуума в дискурсе научной фантастики; изучению творчества С. Лукьяненко и др. Библиография насчитывает 14 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методология исследования определена поставленной целью («определить особенности реализации техноутопического нарратива в прозе Лукьяненко, исследовать его поэтику и философские основания, а также выявить смысловые и жанровые преобразования утопической традиции в условиях постсоветской культурной парадигмы») и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, текстуально-герменевтический анализ произведения («для углублённого осмысления философских и антропологических смыслов, заложенных в повествовании, а также понимания взаимосвязи между технологией, субъектностью и этикой в художественном мире прозы С. Лукьяненко»), нарратологический («для выявления структурных особенностей утопического нарратива, включая принципы его построения, хронотопическую организацию и динамику сюжетного развития»), семиотический («для интерпретации ключевых художественных образов и технологических символов, формирующих семантическое пространство произведений») и культурологический анализы (чтобы «рассмотреть тексты в контексте постсоветской культурной трансформации и исследовать, каким образом утопические мотивы отражают изменения ценностной парадигмы»).

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи, сформулированы обоснованные выводы о том, что «в условиях постсоветской культурной и идеологической дезориентации утопический дискурс трансформируется из линейной модели «идеального будущего» в сложные повествовательные конструкции, основанные на вариативности, техногенности и нарративной неопределённости», «реализация концепта технологической утопии в прозе С. Лукьяненко представляет собой не завершённую модель будущего, а литературный инструмент интерпретации современности, подверженной технологическим, социальным и экзистенциальным вызовам» и др.

Проведенное исследование имеет теоретическую значимость, которая заключается в целостной интерпретации техноутопии как литературного и культурного феномена, отражающего идеологические и антропологические сдвиги постсоветской эпохи. Практическая значимость исследования заключается в возможности его применения в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в курсах по современной русской литературе, а также в теоретических разработках по жанровой эволюции фантастики и утопического дискурса.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру,

способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».